

В одиночку науку не сохранишь

Послесловие к дискуссии в АН СССР

Как мы уже сообщали, на днях в Москве состоялось общее собрание Академии наук СССР. После долгих дискуссий его участники пришли к выводу о недопустимости разрушения сложившейся в рамках прежнего Союза научной структуры. Но не менее важно было договориться и о том, каким же образом, за чей счет можно сохранить и эту структуру, и уровень, и темпы основополагающих научных разработок?

Поделиться своими мыслями после общего собрания мы попросили вице-президента Академии наук СССР, Героя Социалистического Труда, председателя Сибирского отделения АН СССР академика В. А. КОПТЮГА.

— Ситуация сложилась очень тяжелая. За последние годы в обществе катастрофически упал престиж науки. Те средства, которые выделялись на ее развитие, не поспевали за инфляцией. Средняя зарплата научного работника не превышает прожиточного минимума. В результате все больше молодых ученых — я говорю о тех, кто уже приобрел высокую квалификацию, но еще полон физических и творческих сил, — уезжают за рубеж или с головой уходят в предпринимательство. И первое, и второе вполне допустимо при условии, что эти процессы сопряжены с развитием системы наших фундаментальных исследований. Если же в нашей фундаментальной науке появятся бреши, страна окажется в хвосте у всего цивилизованного мира. Сохранение фонда фундаментальных исследований — дело чести для ученых. Это мнение едино, тут разногласий нет. Но на эти исследования нужны средства. Союзным будет финансирование науки, российским или смешанным, пока ясности нет. Очевидно одно: смена одной вывески на другую нас не спасет.

За что прежде всего выступаю я, мои коллеги из Сибирского отделения АН СССР? За постепенность реформ, за глубоко оправданные преобразования. Мы совершим грубейшую ошибку, если одновременно ликвидируем Академию наук СССР. Как бы ее ни ругали противники, за ее плечами два с половиной века истории. Накоплен колоссальный организационный и практический опыт, и прежде всего в области фундаментальных исследований. Отказываться от него по меньшей мере неразумно.

Не секрет, союзная академия, располагавшаяся на территории России, состояла в основном из кадров российских. Более того — Россия вносила в союзный бюджет три четверти своих доходов. И все-таки было бы несправедливым отрицать участие союзных республик в деятельности АН СССР. И это не простое арифметическое сложение усилий. Это — новая высококачественная ступень развития советской науки вообще. Любой вариант с делением отбросит ее далеко назад.

Я много общался с учеными из других республик — все заинтересованы в совместной работе, взаимовыгодном сотрудничестве. Парадокс! Мы изо всех сил стремимся расширять связи с зарубежными коллегами, а вот с теми, с кем долгие годы жили в рамках единого государства, зачастую вступаем в конфронтацию.

Убежден: рано ставить крест на Советском Союзе. Не надо бежать впереди паровоза. Люди еще придут к пониманию, что в одиночку им не выжить. И тогда центробежные силы начнут меняться на центростремительные.

— И все-таки, Валентин Афанасьевич, если Российская академия наук будет существовать параллельно с Академией наук СССР, на территории России возникнут две крупные академические структуры со схожими функциями. Не приведет

ли это к конфликтам и разногласиям в научном мире?

— Все можно решить разумным путем. Главное — стремиться не к размежеванию, а к объединению. В перспективе союзная и российская академии должны слиться в единый научный конгломерат, действующий как в интересах России, так и всей страны. А пока Академии наук СССР целесообразно было бы перейти на союзно-российский статус. Что это означает? Пусть основная часть научных институтов объединится под эгидой Российской академии наук. Кстати, на территории России уже действуют новые научные сообщества — Российская академия естественных наук, инженерная и технологическая академии России. И это прекрасно! России нужно наращивать свой интеллектуальный потенциал. Но должна существовать и общесоюзная координирующая структура — например, Академия Союза суверенных государств — опирающаяся, скажем, на межреспубликанские исследовательские центры. Это поможет проводить единую научную политику на территории Союза, а также сохранить общую систему информации, общие библиотечные фонды и т. д.

— Увы, говорить об опыте иных держав применительно к нашей стране пока рано. Только один, на первый взгляд, довольно простой вопрос: как реально спасти распадающиеся научные коллективы?

— Многие сейчас будет зависеть от мудрости Верховных Советов России и Союза. Поймут ли политики, что фундаментальная наука — будущее страны? Конечно, нужно решать и сиюминутные проблемы. Как картошку убрать? Как людей накормить? Во что обуть? Но в обществе все взаимосвязано. Забросим науку — на всех уровнях будем хуже жить.

Что касается финансирования науки. Пусть и немного у государства средств, но они должны распределяться четко и согласованно. Научным институтам за год вперед необходимо знать, сколько денег на ту или иную программу они получают. Тогда можно привлекать силы, заключать договора, подписывать контракты. Как во всем цивилизованном мире. Пока же наши ученые до сих пор не знают, какие научные программы будут утверждены на 1992 год после ликвидации Государственного комитета по науке и технике...

Скажу еще об одном. Коллективам сейчас не надо пытаться жить в одиночку. В пору экономической нестабильности только коллективная структура управления может их поддержать.

— Какие научные программы, на ваш взгляд, должны быть сегодня приоритетными?

— Очень важно развивать биотехнологию. Без нее ни медицине, ни сельскому хозяйству не обойтись. Что касается программ научно-технических, на первом месте, я считаю, — комплексная переработка сырья. Это не только экономия ресурсов. Это реальный шанс предотвратить экологическую катастрофу в стране.

Вела беседу Н. ЛУКЬЯНОВА.
Москва.